

Двадцатое июня тысяча девятьсот девяносто первого года. Гарри, сжимая шляпу, чтобы не унести ее ветром, с недовольством смотрел на мрачный особняк, одиноко возвышающийся на вершине холма. Коричневое пальто, яростно трепеща на ветру, казалось, вторит его настроению. Почему этот старик, этот... этот Мерлин, не мог просто позволить пользоваться магическим транспортом, а заставлял Гарри каждый раз преодолевать это расстояние пешком? Иногда мудрые слова старика вызывали у Гарри неконтролируемую ярость. — Времена меняются, Гарри, — как бы в ответ на его мысли, произнес глубокий голос. Гарри поднял взгляд. Две массивные двери особняка распахнулись сами собой, словно приглашая его войти. Внутри, словно священная сфера, висел шар, испускающий неяркий белый свет. Гарри не смутился, он привык к подобным чудесам. Ведь это был всего лишь спутник того, кто жил в этом забытом мире в одиночестве. Шар метнулся вперед, словно приглашая Гарри последовать за ним. Двери с лязгом захлопнулись, запечатывая Гарри внутри. Проходя мимо нелепых артефактов и древних украшений, Гарри погружался в пугающую тишину особняка. Шар остановился, растворившись в просторной гостиной, погруженной в полумрак. Единственным источником света был пылающий камин. В большом кресле у огня сидел мужчина, от которого исходила мощная магическая аура. — Мерлин! — прочистив горло, произнес Гарри, подходя к креслу. Черты лица мужчины были бледны под вороно-черными волосами, а в голубых глазах горел такой свет, что даже Дамблдор позавидовал бы. В волосах мужчины проглядывали редкие седые пряди. Если бы Гарри не знал ничего лучше, он бы подумал, что мужчина стареет. Но это было невозможно, он не должен был стареть. — Гарри... — мужчина улыбнулся, и Гарри почувствовал, как его напряжение спадает. Улыбка Мерлина всегда обладала такой силой, что могла развеять любую тьму. — Сколько раз я должен просить тебя не использовать это прозвище? — продолжил Мерлин, его голос был мягким, но властным. — Меня зовут Мирддин Эмрис. — Так тебя называют волшебные люди, старик, — упрямо возразил Гарри. Мерлин вздохнул. — Да, моя мать называла меня так из-за моей необыкновенной силы. — Магии, ты имеешь в виду? — Гарри кивнул, не скрывая недоумения. — Я все еще не понимаю, почему ты предпочитаешь стоять в стороне и наблюдать, как рушится мир волшебников, когда мог бы помочь. Ты могущественнее всех волшебников и ведьм вместе взятых. Черт, ты настолько могущественен, что большинство людей считают тебя мифом или... или божеством! — Я уже говорил, Гарри, меня это не касается. Ваш мир больше не принадлежит мне. С течением времени он испортился и стал вонять людьми, слишком жаждущими власти. Мое решение жить в мире неизменно. Мое единственное желание — передать вам свои знания. Гарри насмешливо хмыкнул. — Все равно ты не представляешь, что делать со своим бессмертием. Ты мог бы править всем волшебным миром одним взмахом руки. Ты мог бы снова объединить волшебников. Но вместо этого они разбросаны по группам. Светлые, темные, серые, магические существа, отделенные от себе подобных. И все из-за твоего невежественного упрямства. Только посмотрите, как вы несчастны, живя в этом огромном особняке тысячи лет, не имея никого, кроме того святого элемента, которого вы называете Скипом. — Ты слишком молод, чтобы понять мою ситуацию, Гарри. Бессмертие не избавит тебя от забот... Лучше не стремиться к нему... Время стареет, история повторяется, а меч продолжает питаться. Бесконечный цикл, который никогда не прекратится... И вот, по прошествии стольких лет, бессмертие стало доступно тем, кто обладает достаточным количеством знаний. Но они добиваются его уродливыми способами, Гарри, или тратят свою жизнь на исследования. — Вы имеете в виду Николаса Фламея, алхимика, создавшего Колдовской камень. Он и его жена прожили более шести веков. — Да, они сломали предначертанную им судьбу, избежав конца, предрешенного Смертью. Только те, кто живет вечно, могут узнать, насколько жестоким может быть бессмертие. Пройдет немного времени, и они начнут желать смерти. Смерть безжалостно украдет их души, и со временем они расстанутся с нашим миром и отправятся в следующее путешествие. Мерлин прищурился, глядя на подростка. Гарри не мог сдвинуться с места. Его голова застыла, заставляя его смотреть в огненно-голубые глаза Мерлина. Одним простым взглядом он лишил Гарри

способности двигаться, уничтожил его силу воли и все его надежды.— Я запрещаю тебе искать бессмертия, Гарри. Я сам прожил слишком долго, безнадежно наблюдая за тем, как умирают люди, которых я узнал и о которых заботился.— Бессмертие мне не подходит. У меня нет к нему никакого желания, старик... — освободившись от своего статуеподобного положения, Гарри запыхался. — А как вообще выглядит твоя история? Однажды ты сказал мне, что Камелот был чудесным местом. Там оба мира жили вместе, верно? Как же такая огромная страна, как Камелот, так легко распалась на легенды? Как... как умер такой бессмертный человек, как король Артур? С точки зрения логики, это невозможно. Ты сказал мне, что обрел бессмертие тогда же, когда и он, но я никогда не задумывался, как ты его получил, до сих пор. Мерлин некоторое время сидел молча, прежде чем заговорить.— Это было так давно... и все же кажется, что это было только вчера. Мы с Артуром... нам даровали бессмертие те, кто называл себя Древними. Мне была дарована магия, а Артуру — Экскалибур. Но время умерло, и Камелот тоже. Те, у кого не было магии, восстали, и Артура предал его собственный народ. Он участвовал в войне, убивая свой народ собственными руками. Это оставило глубокий шрам в его сердце. Он приказал своему последнему верному слуге бросить Экскалибур в озеро... И по сей день это озеро так и не найдено. Даже с помощью всей моей магии мне было отказано. Когда Экскалибур давно исчез, он унес с собой и бессмертие Артура. Он погиб, оставив меня страдать от бессмертия в одиночестве...— Ты не мог получить бессмертие с помощью магии, ведь ты обладал ею с самого рождения, как и все остальные волшебники. Но через знания древних... — Гарри нахмурил брови, пока его мозг лихорадочно работал, пытаюсь уловить подтекст такой истории. — Ты хочешь умереть, как король Артур, не так ли? Отдавая мне свои знания, ты начинаешь стареть, как все остальные. Ты нарушил правила, не так ли? Древние предостерегали тебя, Гарри, никогда не касаться этой магии. Теперь обратного пути нет, и время неумолимо движется вперед. Тебе осталось... три, может быть, шесть лет? — прошептал Мерлин, его взгляд был полон грусти. — Ты планировал это с самого начала, не так ли? С того момента, как встретил меня? Гарри вздрогнул, словно от удара молнии. — Кто я, Мерлин? Твой палач? Я изучал эту магию, чтобы доказать родителям, что они были неправы, когда пренебрегали мной, а не для того, чтобы кого-то убивать! — в его голосе слышалась ярость. — Если я и буду убивать, то только для того, чтобы защитить тех, кто мне дорог, а не ради собственной выгоды.— Именно поэтому я решил передать свои знания тебе, пока время не унесло меня, — Мерлин улыбнулся, в его глазах читалось глубокое понимание. — Я благодарен, что встретил тебя, Гарри.— Ты спятил, старик? Не шути со мной! — Гарри не мог поверить своим ушам. — Я изучал магию только для того, чтобы показать родителям, каким могущественным я могу быть. Я не буду учиться, — он повторил это слово с подчеркнутой решительностью, — не буду учиться, если ценой этих знаний будет чья-то жизнь! — его голос дрожал от гнева. — Я признаю, что иногда могу быть придурком, — он сделал паузу, — ладно, большим придурком! — но я не жестокий! Ты не так мудр, как тебе кажется... ты просто безумен!— Правда? — вклинился Мерлин, его голос был спокоен, словно он не замечал бури эмоций, бушующей вокруг него.— Что ты имеешь в виду? — Гарри был растерян, его самообладание рушилось на глазах.— За все годы, что я прожил, — Мерлин продолжал спокойно, — я никогда не видел, чтобы мальчик тренировался до изнеможения каждый день своей жизни. Даже я сам не обладаю такой решимостью. Ты очень талантливый мальчик, Гарри. Я в тебе не сомневаюсь. Скажи мне вот что, Гарри... действительно ли это мотив твоей решимости? Чтобы вызвать сожаление у родителей? Или, возможно, ты жаждешь их одобрения больше, чем думаешь? Гарри напрягся, не ожидая такого ответа. Его ладони стали липкими от пота.— Не отрицай своих чувств, Гарри, — Мерлин словно прочитал его мысли. — В глубине души ты всё ещё ждёшь, жаждешь их расположения. Разве я не прав?— Заткнись! Заткнись, заткнись, заткнись! — кричал Гарри, его кулаки дрожали. Мерлин оставался невозмутимым, не обращая внимания на его вспышку. — Что ты знаешь, старик? Это не ты каждый день в детстве оставался один в своей комнате, не желая ничего, кроме объятий собственной матери! Ты не тот ребенок, которого отец никогда не учил летать на метле! Твоя собственная мать любила

тебя! Ты даже никогда не встречался со своим отцом, потому что он любил тебя так сильно, что пожертвовал ради тебя своей жизнью! Не читай мне нотаций, как будто ты знаешь, каково это! Мне плевать, сколько лет ты прожил, старик, ты должен пережить мои, прежде чем выплевывать слова об этом! Гарри тяжело дышал, его грудь вздымалась и опускалась. Было приятно выпустить все наружу, высвободить всю ту агонию, которая скрывалась глубоко внутри него, в одном дыхании. Ему было всё равно, что человек, на которого он только что накричал, был, возможно, самым могущественным существом на планете. Наконец-то он выплеснул на кого-то свое разочарование. Глаза Мерлина опечалились от представшего перед ним зрелища. — Да, ты прав, Гарри. Я не испытывал... — Хватит, — прервал его Гарри, его голос был тихим, но твердым. — Я пришел сюда не для того, чтобы вести с тобой вежливые беседы. Если ты хочешь разложиться в ничто — пусть будет так. Это твой выбор, и мне абсолютно все равно, что ты выберешь. Как ты уже сказал, я не понимаю, что такое бессмертие. Мерлин вернул взгляд к огню. — Очень хорошо. Никто из нас не сможет стереть то, что было сделано. Ты должен подготовиться, Гарри, потому что следующие два месяца ты будешь очень много работать. — Я готовлю свое тело с восьми лет. Именно поэтому я так превосходно играю в квиддич. — А, тот самый вид спорта, который был изобретен для... — Для пожилого человека ты просто обожаешь тратить время на болтовню, не так ли, старина? — Гарри усмехнулся. Мерлин печально поджал губы и пробормотал про себя: — Он напоминает мне Артура. Тот обращался со мной как со слабаком, не уважал меня, когда я стал его слугой... Ни с того ни с сего Мерлин поднялся с кресла, внезапно почувствовав себя очень старым. — Нетерпение — это гибель... Он продолжил лекцию, и Гарри громко застонал, отгоняя его от себя. Вся злость, негативные эмоции и давление, наполнявшие комнату ранее, были полностью забыты, когда наставник продолжил свою речь. Мерлин улыбнулся своему единственному ученику. Да, Гарри был прав. Это было его намерением с самого начала.

<http://tl.rulate.ru/book/102308/3531216>